Янгузин Айбулат Римович

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОГО ПОИСКА В СУФИЗМЕ

Статья раскрывает специфику духовного поиска в суфизме. Основное внимание в работе автор акцентирует на трансформацию и развитие человеческой сущности в духовном поиске.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 208-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

восприятии [2]. Во-первых, - мы же обращаем внимание на саму динамику роста количества верующих мусульманок. Второе и главное. Определенные изменения в гендерном поведении женщин этнических сообществ Северного Кавказа привели к изменению функциональных нагрузок женщин в системах этнической идентификации. Вкупе с устойчивым религиозным позиционированием и изменением стандартов аксиологии и мотивации, смена гендерного целеполагания привела (уже сегодня) к ситуации, когда значительная масса женщин-мусульманок не ощущает своей локализации в пределах нормативно-правового и государственного пространства Российской Федерации, они лишь живут в этом ареале, используя его возможности для рекреации теперь уже не чисто этнического, а религиозно-этнического миропорядка [7].

Список литературы

1. **Аккиева С. И.** КБР: модель этнологического мониторинга. М.: Наука, 1998. 132 с.
2. **Здравомыслова-Стоюнина Я.** Общество сквозь призму гендерных представлений // Женщина. Гендер. Культура. М.: Гелиос, 1999. 198 с.
3. Информация Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарской Республики.
4. **Магомедова М. З.** Исламский образ жизни в сложном этноконфессиональном обществе // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала: ДНЦ РАН, 2005. 356 с.
5. **Материалы полевых исследований автора, поведенного в 1996-2005 гг.**
6. **Поляков С., Бушков В.** Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Прогресс, 1997. 267 с.
7. **Суковатая В.** Феминистская теология и гендерные исследования в религии: перспективы новой духовности // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 183.
8. **Чурланова П. К.** К вопросу об исследовании этноконфессиональных проблем в Дагестане // Этнополитические исследования: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала: ДНЦ РАН, 2005. 356 с.

GENDER FACTOR IN CISCAUCASIA CONFESSIONAL SPACE

Nataliya Anatol'evna Shaozheva, Ph. D. in History

Centre of Ethnic-Political Researches
Kabardino-Balkaria Scientific Centre of Russian Academy of Sciences
disana05@mail.ru

In the article the author analyzes the questions connected with the formation of new social-economic, moral-ethic conceptual doctrines determining society behavior. The questions concerning Islamization tendencies in Ciscaucasia are researched in gender aspect.

Key words and phrases: Ciscaucasia; society; Islam; women's religious behavior.

УДК 141.336

Статья раскрывает специфику духовного поиска в суфизме. Основное внимание в работе автор акцентирует на трансформацию и развитие человеческой сущности в духовном поиске.

Ключевые слова и фразы: сострадание; страдание; духовный поиск; духовное напряжение; этическое просвещение.

Айбулат Римович Янгузин, д. филос. н., доцент
Кафедра философии и методологии науки
Башкирский государственный университет
nbret@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОГО ПОИСКА В СУФИЗМЕ©

Философия помогает человеку раскрепостить дух, сделать его свободным, снять то гигантское напряжение, которое создает сама жизнь со всеми своими невзгодами и трудностями. Человеческий дух не терпит никакой обузы. «Платон, - говорит Шеллинг, - не распинал себя, как иной современный философ, о нем можно сказать то же, что говорили об Орфее: своей музыкой он двигал скалы и укрощал дичайших чудовищ в философии» [8, с. 49-50]. Развивая эту мысль дальше, можно сказать, что все человеческие деяния, так или иначе, отягощены тем напряжением, которое нежелательно для свободного духа. Терпение человека приобретает силу, если он слепо принимает свою участь. Но чувство свободы зовет его отказаться от идеальных, чисто умозрительных схем, от вымученных мыслительных конструкций действительности. Человек,

© Янгузин А. Р., 2011

пытаясь снять напряженность своего бытия, тем самым оберегает его полноту, вверяя все сущее беспредельной открытости социальных и культурных перемен.

Современный человек, чтобы снять напряжение своего существования должен научиться говорить «наудачу». Непроизвольность его слов и движений - залог той Божественной красоты, которая скрыта на дне глубокой пропасти. Непроизвольность, чувство свободы - залог величайших духовных свершений. Но подлинное раскрепощение его духовных сил возможно лишь при условии, если он будет проявлять осмотрительность, особенно при обращении с дурными людьми, поскольку такое общение «делает поступки людей подозрительными в глазах хороших» [5, с. 14].

Духовный поиск становится напряженным, если человек обнаруживает в себе вражду. Эта вражда, согласно суфийским мыслителям, проистекает из чрезмерной «любви к мирскому». В этом случае любовь становится идолом, вовлекающим человека на дорогу позора и унижения. Такая любовь не имеет «сердца»; она делает ничтожными земные дела, а добрые намерения превращает в мученичество. Человек при этом лишь силится сделать добрый поступок, который становится вымученным. Да и «каждый намаз, в котором отсутствует сердце, приближается к мучениям» [Там же, с. 15]. При этом покорность человека есть страх, который вошел в сердце, так что последняя «служит ему неотлучно» [Там же, с. 18].

Страх-ужас противится истинной любви, которая непроизвольна и истинно свободна. Любовь - это смысл человеческой жизни, но этот смысл не следует стремиться познать до конца. «Кто жемчужину смысла насквозь просверлил, / О божественном, словно пророк, говорил, / Все же к тайне предвечной не смог прикоснуться, - Суесловил и скрылся во мраке могил» [Там же].

Человек часто ищет других без греха, но остается в конечном счете без близких себе людей. Здесь мы сталкиваемся с таким типом духовности, который ставит во главу угла нравственное содержание жизни. Эта духовность может быть религиозной, где источник норм ищется в Божественной воле; она может быть нерелигиозной, то есть искать и находить свои источники нравственности в традициях, в социальности. В существующей литературе такая духовность получила название этизма. «Последний, - пишет В. Г. Федотова, - может мыслить себя как полюс эстетизма, приносящий в жертву полноту жизни, воспринятую как грех, вожделение (во вполне светском, нерелигиозном смысле), которые требуется преодолеть» [6, с. 92]. Такая духовность, на наш взгляд, не отличается прочностью, поскольку отрицательное признание ценности «соблазна», «греха» нередко ведет к духовному срыву, к психологической напряженности, а в конечном счете, - к обращению исповедующего такой духовный тип в крайний эстетизм.

Отсюда можно сделать вывод о том, что духовный поиск истины, красоты и добра не должен быть слишком напряженным. Излишняя религиозность, как и крайнее отрицание религиозных, абсолютных ценностей приводят к сбою в душевном мире человека, к срыву, что чревато самыми негативными последствиями.

Кроме того, резко отрицательное отношение к «соблазну» приводит к схематизму, к «окостенению» жизни, неудовлетворенности, фрустрации. «Этизм может руководствоваться прагматическими соображениями, полагая стабильность и покой более надежными спутниками человека, чем стремление к счастью и полноте жизни. Такая установка подрывает основы этизма, так как стремление исключить страдания из жизни приводит к отказу от сострадания, к эгоизму и бездуховности» [Там же, с. 93].

Сострадание и есть, на наш взгляд, тот эффективный и действенный механизм, с помощью которого снижается напряженность в человеческих взаимоотношениях и поиске истины. Само метафизическое страдание невозможно без сострадания. Последнее смягчает страдание. Любое действие живого существа, замечает Аристотель, требует напряжения, усилия, а тем самым является страданием: «Видеть и слышать равносильно страданию, только мы с этим уже свыклись» [2, с. 284]. Сегодня существует множество людей, которые признают существующим лишь то, что можно увидеть или за что крепко зацепиться руками. «Действиям или же духовным страданиям, как и всему незримому, они не отводят доли в бытии» [4, с. 208].

Отсюда видно, что без духовного напряжения нет и полноценного действия. «Нет действующего, пока оно не встретится со страдающим, как нет и страдающего, пока она не встретится с действующим» [Там же, с. 209]. Эти идеи Аристотель разработал в своем учении о «катарсисе», которое вырастает, на наш взгляд, не только из соответствующего понимания трагедии, но и из страсти энтузиазма, из некой одержимости более светлым будущим.

Человек никогда не должен делать эту жизнь до конца Божественной, абсолютно духовной, ибо от нее тогда не будет никогда избавления. Чтобы «снять» напряжение, человек должен уметь сострадать; сострадание связано с бережным, трепетным отношением к настоящему, к живущим с нами рядом людей. Сострадание, таким образом, снимает напряжение в человеческих взаимоотношениях. Оно не «цепляется» за чужое бытие, а связано, скорее с тем, что человек имеет целью не желать ни существования вещей, ни их небытия. Только тот человек способен глубоко сострадать, если его сердце не занято мыслью, как бы убежать от изобилия вещей, ни ненавистью к ним. Но это как раз именно то высшее духовное состояние, о котором говорит Ал-Газали в своей книге «Воскрешение наук о вере» [1].

Человек, развивает свою мысль Фудайл ибн Ийад, добродетелен до тех пор, пока не увидит своей добродетели. Последняя «ослепляет», поскольку исчезает всякий «зазор», отделяющий истину от стремления к ней. Стоит только обществу или человеку провозгласить себя добродетельным, как оно погружается в состояние ночи, ибо исчезает «просвет», отделяющий тех, кто еще страдает, от тех, кто уже забыл думать о других.

Красота и добро, как истинно духовные качества, не должны проводиться в жизнь слишком непреклонно. «Тот, кто учит людей добру, - пишет Ахмад ибн Харб, - и указывает им путь к нему, подобен человеку,

нанявшему поденщиков, работающих для него телом и имуществом своим, денно и нощно, при жизни его и после смерти его» [5, с. 32]. Добро, как и красота совершенно непроизвольны, грациозны в своей субстанции и действительности. Они есть полное отсутствие напряжения, которое возникает, когда человек занят пустыми делами и взиранием на эти дела. Эта пустота увеличивает скуку и монотонность времени. Поэтому она есть не только благо, но и зло, если нацелена на вещи, убыточные для сердца.

Когда человек сильно уповает на Бога, то создает такое душевное напряжение, которое приводит к утрате силы и могущества; суфии (особенно ранние) обращают существенное внимание на тот момент, чтобы человек «смягчил» свое сердце. При этом они предлагают пост и молитву; а если же и в этом случае сердце не смягчится, то следует просить подаяния.

Человек с течением жизни (особенно если на него сыплется благо) начинает относиться к другим потребительски. «Так и должно быть», - говорит он. В результате формируется высокомерное отношение к людям. Отказ же сталкивает его с небытием, которое в свою очередь рождает метафизический страх как последнюю основу свободы и ее тайну. Такой страх приводит к возникновению бережного отношения к окружающим, особенно к тем, у кого никого и ничего нет.

В современном обществе распространяются отношения, которые далеки от отношений, подобных отношению «к невесте». Люди ничего не стыдятся, они стали грубыми, меркантильными, не следят за собой (в том числе и за своими внутренним миром), чернят свое лицо. Они занимаются исключительно деньгами и не обращают внимания на возвышенные дела и вещи.

Человек отличается поверхностным мышлением, отсутствием Вселенской печали, а ведь, как говорит Ал-Бистами, прославленный персидский суфий, «мужи благодаря печали достигают чего-либо» [Там же, с. 40]. Печаль смягчает сердца, уничтожает напряжение, которое существует в душе; печаль позволяет как бы «сбросить самого себя, как змея сбрасывает кожу», позволяет заглянуть в свою суть, а в конечном счете, слиться с Божественной любовью. Но душа озаряет весь мир и тьма отступает от сердца. Сердце же есть «то, что не содержит даже ничтожной частицы желания, направленного на тварный мир» [Там же, с. 41].

Однако духовное напряжение имеет и другую сторону, не только чисто негативную. «Истина, - говорит Ал-Джунайд, - «приходит после «состояний» и экстаза и занимает их место» [Там же, с. 49]. Экстаз - это наивысшее напряжение в отношениях человека и Бога. Но результат этого напряжения - истина, которая не дается легко. Состояние экстаза - «это то, что нисходит на сердце, но не длится долго» [Там же, с. 87]. Все истинно прекрасное всегда мгновенно и преходяще. Но это - не расслабленное мгновение, а исполненное мгновение, ради которого человек и отправляется в путь. Человек никогда не сможет принять расслабленное «остановись» даже на одно мгновение. В том смысле, что он никогда не может пожелать быть бездельником, и эта интенция при заключении пари между человеком и Богом является основной. Но со временем обнаруживается еще одна интенция, и именно она оказывается решающей, более того, единственно существующей: «Взгляд на мгновение как на не ленивое, а исполненно-исполняющееся, приостанавливающееся вместе с субстанцией» [3, с. 133].

Если употребить выражение суфиев, то это мгновение есть «здесь - теперь». Это пришедшее к покою, но абсолютно полное в своем содержании «теперь». Такого рода «теперь» может обозначать у суфиев момент времени, выделяющийся из усилия и течения, поскольку этот момент сам полон большого содержания. Подобные ситуации являются не только преходящими, соразмерными ходу эрического или драматического действия, гораздо более они, хотя их исчезновение неудержимо, показывают характерное напряженное замедленное, достигающее, основательное духовное действие.

Отчетливым это духовное мгновение, однако, станет только в самом конце нравственного и Божественного поиска, на свободной земле со свободным народом, в том мгновении, когда ему, этому мгновению, окажется свойственным духовное беспокойство. Беспокойство тогда окажется утихомирившимся в понятии, причем с помощью прямой противоположности безделью, с помощью поступка с социальным содержанием.

Человек сегодня должен научиться видеть то, что близко его сердцу. «Суфий тот, - говорит Ал-Джунайд, - у которого сердце подобно сердцу Авраама, покорность его подобна покорности Исмаила, горе его подобно горю Давида, бедность его подобна бедности Иисуса, терпение его подобно терпению Иова, увлеченность его во время молитвы подобна увлеченности Моисея, искренность подобна искренности Мухаммеда» [5, с. 49]. Человек, таким образом, должен обладать широтой взглядов, терпением, способностью общаться с помощью символизма, тягой к путешествиям и смиренностью духа. «Настоящие люди древности ради удобства, - говорит Чжуан-цзы, - шли дорогами человечности, ночевали в постоялых дворах долга, чтобы потом привольно гулять на просторе. Они кормились простой пищей и жили на земле, не взятой взаймы» [7, с. 160]. Тот, кто жаждет богатства, не может отказаться от наград, а тот, кто жаждет славы, не в силах отказать от известности. Тот, кто жаждет власти, не может дать людям воли. Подбодришь его - и он тотчас же возгордится. Такой человек ничего не замечает вокруг себя и ни на миг не может обрести покоя. В сущности, духовное напряжение такого человека является болезненным. Оно ничего не порождает, поскольку не оберегает сердце от посторонних мыслей и не освобождает его от соблазна.

Многие люди стали невоздержанными в осуществлении своих желаний; в результате в обществе распространяются жадность, порождающая негативное напряжение в мыслительном, экономическом и социальном строе жизни. Освободить сердце «от плена тщеславия и ханжества» - главный путь к справедливости.

Однако главный нерв напряженности духовного поиска состоит в возвращении себя к самому себе. Когда некоторые выдают это за благо, то не понимают двух вещей. Во-первых, человек, вернувшийся к своему

«Я», оказывается им как бы раздавленным; во-вторых, возвращаясь к себе, он вынужден постоянно оставаться наедине со своей эмпирической природой, со своими страстями. Поэтому человек испытывает настоящий страх, когда оказывается возвращенным к «самому себе».

Каковы же пути снятия напряжения? Актуальность поиска ответов на этот вопрос несомненна. Современный человек живет в системе различных страхов: страх потерять работу, страх быть захваченным и убитым, страх остаться без средств к существованию, страх неизмеримо отстать в развитии от других, страх умереть от отравления среды обитания и т.д. Человек, заключен в тяжелые оковы, от которых «страдает», он должен двигаться, чтобы быть счастливым.

Страх настолько проник во все поры общества, что многие люди лишили себя свободы передвижения. И дело не в том, есть у них деньги или нет, а в том, что в настоящее время на одно из первых мест выдвинулась проблема личной безопасности. Решение этой проблемы, существующей в глобальном масштабе, позволило бы снять многие другие проблемы, поскольку человек, его жизнь, есть постоянное движение, путешествие, часто без всякой цели, просто движение, чистая непроизвольность, свобода.

Вместе с тем это движение сегодня иссякло. Люди отягощены законами, порождающими пороки. Их приманивают тем, что порождает тяжбы. Людей довели до крайности, им не дают ни часа отдыха. Их движение не истинно, поскольку перестает существовать само по себе, объективно, а становится принадлежностью чисто практических целей. Можно привести целое множество примеров таких законов. Так, правители прошлого благодарили за все доброе народ, а в бедах стремились обвинить себя (это было довольно распространенным явлением). В настоящее время власть предержащие часто скрывают свои деяния. Они не отрекаются от власти, если гибнут люди; они отдают зачастую невыполнимые приказания и наказывают тех, кто не осмеливается их выполнить (например, захватить территорию, население которой заявило о своей свободе и независимости; реформировать школу, отталкиваясь от прекрасно разработанных программ, но без существенного поднятия заработной платы учителям; применять закон об «интеллектуальной собственности», который на практике привел не только к коммерциализации умственного труда, но и к утрате интереса к подлинному знанию).

Люди, одержимые коммунистической идеей, часто отсылали других в далекий путь, идя по которому, они, якобы, достигнут наивысшей справедливости. Они наказывали тех, кто не соглашался с ними. В результате, люди, зная, что не могут выполнить приказ, занимались притворством. Так возникло лицемерие, которое совершенно разъело все общественные связи. Полуправда прочно вошла в нашу жизнь. Еще совсем недавно наше государство поощряло совершенствование правдоподобности официальных объяснений, идеологических клише, призванных оправдывать и возвеличивать наличное социальное бытие. Оно награждало и возносило мастеров правдоподобия как верных слуг народа. Это были мастера-полуправдисты - те, кто искусно компоновал ложное с истинным, правду и вымысел, стремясь внушить массе то, что желали власть имущие. Возносились до самых высших чинов безотказные угодливые полуталанты, творившие полуправду на поприще литературы и искусства. Но они и сами ломались, не выдерживая то гигантское напряжение, которое при этом возникало. Они были призваны поддерживать, постоянно подпитывать «жизненным содержанием» основные стереотипы массового сознания, выполняющие охранительную и оправдательную функции.

На наш взгляд, мощным средством лечения духовных недугов общества является этическое просвещение. Это - не просто знание свода нравственных истин. Это - воспитание у людей чуткости к любой человеческой тоске. Это - взращивание любви к своим родителям (сегодня имеется довольно значительное количество примеров, когда дети не только проявляют неуважительность к отцу или к матери, но и настоящие акты вандализма. Они делят имущество еще при жизни родителей, ждут их смерти и т.д.). «Не забывай о том, - говорит поэтому Носир Хисроу, - что мать вспоила нас, / Отец же воспитал свое родное чадо» [5, с. 81]. Особое социальное зло возникает тогда, когда человек забывает в своей обеспеченности тех, кто участвовал в его становлении как личности.

Другое измерение этического просвещения - это социальная память, которая позволяет человеку продвигаться со ступени на ступень и развиваться до уровня совершенного человека. Социальная память - это прежде всего память о человеке, о тех людях, которые взращивали лучшие человеческие качества, согласие и ненависть к распущенности, к высокомерию и другим порокам.

Духовное напряжение, таким образом, имеет и позитивную и негативную сущность. Позитивная состоит в том, что человек становится духовно обеспокоенным за человека и его будущее. Негативная - в разрушении, с последующим расщеплением духовных потенций человека на части. Так, человек не может длительное время выдержать Божественной полноты своего бытия; он часто бежит от свободы, от счастья, от любви, поскольку эти силы становятся слишком чрезмерными и достигают такого напряжения, что человек не выдерживает этого «огня». В данном отношении, прав Ал-Хамадани, который говорит: «Любовь - огонь, а влюбленный - бабочка. Огонь любви придает ей силу и вскармливает ее… В этом страстном желании она бросается в пламя свечи, которое суть возлюбленный, и вместе с ним начинает гореть, пока вся не превращается в свечу и огонь, и не остается ни бабочки, ни любви» [Там же]. Он ставит проблему громадной важности. Каким образом, сохранить любовь и влюбленного? На философском языке эта проблема звучит так: как обеспечить экзистенции человека наиболее длительную жизнь в пространстве духовного поиска и напряжения? Ответ на данный вопрос может быть сформулирован лишь в поле более широко дискурса, включающего в себя анализ самой экзистенции в полярностях любви и духа, бытия и рефлексии.

Список литературы

1. **Абу Хамид ал-Газали**. Воскрешение наук о вере: избранные главы / пер. с арабск., исследование и коммент. В. В. Наумкина. М.: Наука, 1980. 375 с.
2. **Аристотель**. Собр. соч.: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
3. **Блох Э.** Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 400 с.
4. **Платон**. Собр. соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
5. **Суфийская мудрость /** сост. В. В. Лавский. Мн.: Изд-во «Латець», 1998. 398 с.
6. **Федотова В. Г.** Практическое и духовное освоение действительности. М.: Наука, 1992. 132 с.
7. **Чжуан-цзы**. Даосские каноны. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Изд-во АСТ», 2002. 432 с.
8. **Шеллинг Ф. В. Й.** Философия откровения. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. 699 с.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF SPIRITUAL SEARCH IN SUFISM

Aibulat Rimovich Yanguzin, Doctor in Philosophy, Associate Professor

Department of Philosophy and Methodology of Science
Bashkir State University
nbret@yandex.ru

The article reveals the specificity of spiritual search in Sufism. The author pays special attention to the transformation and development of human essence in spiritual search.

Key words and phrases: compassion; spiritual search; spiritual effort; ethical enlightenment.